

Сюй Сяочжэнь думал, что, начав жить с Гу Янем, будет всё реже вспоминать прошлое. Но всё оказалось наоборот: почти каждую ночь после ссоры с ним он видел сны о том, что было.

Иногда это был вечер: Чжоу Янь стоял у школьных ворот, неуклюже протягивал к нему руку. Иногда — душное лето, жара, дома нечем дышать, и они уходили читать на склон. Чжоу Янь лежал у него на коленях, и их взгляды то и дело пересекались.

Чжоу Янь исчезал, и Сюй Сяочжэнь просыпался в испуге — он лежал в объятиях Гу Яня. Тот был горячий, как печка, и его жар заставлял Сюя покрываться испариной.

Он не на полу, он в постели. И всё ещё в объятиях Гу Яня. Это значит, что буря прошла, этот ужасный человек остыл и решил закрыть глаза на ссору.

Сюй Сяочжэнь выдохнул с облегчением. Долго смотрел на лицо Гу Яня, потом растерянно протянул руку, кончиками белоснежных пальцев скользнул по его глубоким чертам, по прямому носу.

Он не понимал... Один и тот же человек. Просто вырос. Но почему воспоминания о Чжоу Яне кажутся такими светлыми и чудесными? Почему всё, что он делал, прощалось, даже боль от него казалась сладкой? А к Гу Яню — такой нежности не было...

Наверное, воспоминания всегда чуть приукрашены. Мёртвые в нашей памяти — всегда лучше живых.

Сюй Сяочжэнь перевернулся и осторожно выбрался из объятий Гу Яня. В животе заныло — острая, жгучая боль. Он решил попить воды — вдруг отпустит.

Гу Янь был настороже. Как только Сюй его коснулся, он тут же проснулся — ждал, что будет дальше. Обычно Сяочжэнь сначала целует его в щёку, а уж потом встаёт с постели.

Он уже приготовился — обнять его в ответ, поцеловать, увидеть ту самую радость в глазах.

Но Сюй лишь перевернулся, встал и пошёл. Без обычного прощального поцелуя.

Гу Янь нахмурился, обнял его за талию со спины и позвал:

— Сяочжэнь.

Сюй вздрогнул от жара его тела и невольно отозвался:

— А?

Гу Янь уткнулся лицом в его спину, его горячее дыхание обжигало кожу:

— Полежи ещё немного.

Сюй повернулся к нему, провёл рукой по его коротким, грубым, чуть холодным волосам:

— Не усну уже.

Гу Янь, всё ещё обнимая его одной рукой, поднялся, поцеловал в щёку и вернул обратно в постель:

— Побудь со мной ещё немного.

Сюй не сопротивлялся. Просто опустил взгляд, ничего не сказал.

Они оба были спокойны. Будто всё, что произошло до этого, стерлось. Молча решили — забыть.

В спальне стояла пугающая тишина. Только негромкое, ровное дыхание.

Гу Яню эта тишина не нравилась. Казалось, чего-то не хватает. Он крепко обнял Сюя сзади, переплёл их пальцы, водил подушечками по его руке. Она была чуть шероховатая — не от оружия, а по-другому, почти нежно.

Сюй Сяочжэнь должен был бы сейчас капризно пожаловаться: мол, вчера ты был неправ, не стоило при всех такое говорить. И добавить, что если это повторится, три дня не дам тебе есть мою еду.

— Сяочжэнь, тебе есть что сказать? — спросил Гу Янь.

Он говорил мягко, как будто что бы тот ни ответил — не рассердится.

В голове у Сюя крутились слова. Хотелось попросить: будь помягче, не рань словами. Сказать, что он не любит пить, что у него болит желудок.

Но все эти слова так и застряли в горле. Он проглотил их.

Смысл говорить? Что это изменит?

Гу Янь всегда был таким.

Может, сейчас он и ласковый, но стоит сказать что-то не так — и он вспыхнет, сорвётся. Новый виток — ссора, холод, игнор. Всё по кругу.

Скоро финальные экзамены. У Сюя не оставалось ни сил, ни желания уговаривать его снова. Одна мысль о бесконечных конфликтах вызывала усталость.

Он просто повернулся, поцеловал его в подбородок и сказал:

— Постоянно пить — вредно. Старайся поменьше, ладно?

Гу Янь будто повеселел. Схватил его, прижал к кровати, целовал с жаром, с жадностью. Руками гладил его тело, поцелуями сбивал дыхание. Сюй Сяочжэнь пытался прикрыться, но сил не хватало.

Одежда быстро разошлась по швам. Губы Гу Яня жадно терзали его ключицы, шею, оставляя следы. Горячие ладони скользнули под шорты, массировали поясницу, заставляя тело поддаваться.

Сюй понимал, к чему всё идёт, но не сопротивлялся. Пусть лучше всё случится здесь и сейчас, чем снова оказаться в ловушке перепадов настроения.

Он боялся ссор больше, чем чего-либо. А спорить с тем, у кого нет терпения, — бесполезно. Чтобы не было больно, он пытался расслабиться, как мог.

Он сравнивал — сколько бы ни старался, будь он омега или бета, рядом с Гу Янем — как гусеница рядом с хищником.

Но правда в том, что от большого больше страданий. Он давно хотел спросить: неужели все альфы такие ужасные в этом? Но знал — такое ни один мужчина не стерпит.

Хотя на этот раз Гу Янь старался — мягко, осторожно. Но лучше не становилось. Всё, что он делал, только раздражало. Никакого настоящего опыта, никакой заботы.

Сюй не выдержал, сам потянулся за поцелуем. Хотел, чтобы всё поскорее закончилось.

Но Гу Янь вдруг резко втянул воздух, глаза загорелись, он смотрел прямо в него. Целовал и шептал сквозь улыбку:

— Сяочжэнь, Сяочжэнь... ты ведь тоже хочешь меня, да? — и крепко сжал его руки.

Лезвие, что столько времени висело у Сюй Сяочжэня на шее, наконец упало.

Около половины пятого утра, выжатый досуха в объятиях Гу Яня, он дрожащими руками встал, поплёлся в душ, потом оделся.

Времени катастрофически не хватало. Он наспех сварил лапшу — хоть что-то Гу Яню перекусить.

Сытый мужчина — спокойный мужчина. И сейчас у Сюя было право покормить его кое-как и при этом не нарваться на скандал.

После завтрака Сюй сбежал вниз. Гу Янь стоял у окна и смотрел вслед. У Сюя подгибались ноги, но мчался он, как заяц. Лицо Гу Яня мрачнело с каждой секундой.

На полпути Сюй вдруг вспомнил и обернулся — помахал в сторону дома.

Гу Янь, стоя за стеклом, знал, что тот его не увидит, но всё равно помахал в ответ. На лице снова появилась довольная ухмылка.

...

Стоило Сюю появиться в школе, как он тут же услышал, как все взахлёб обсуждают одну и ту же новость: студенты механического А-класса 33-го уровня возвращаются. Со следующего семестра они будут учиться на кампусе.

— Боже, если бы можно было попасть с ними на один открытый курс — это был бы рай!

— Вдруг даже рядом сидеть удастся! Может, их гений передаётся по воздуху?

Сюй Сяочжэнь, даже будучи далёким от слухов, знал об этом легендарном механическом А-классе Имперского университета. Каждый год из всех восемнадцатилетних альф и омег Верхних Трёх уровней выбирали только десять лучших. Так и формировался тот самый А-класс.

Большинство из них — дети титанов науки. Их обучение полностью курировал Имперский Научно-Исследовательский Институт. За четыре года два они учились в институте, полтора года — в союзных научных центрах за пределами Империи. И только полгода проводили в университете.

Из этих десяти выпускались только трое — с гарантированным трудоустройством в том же Институте. Остальные распределялись как обычные выпускники, на места по всей стране.

По сравнению с политическим факультетом, механический А-класс был настоящей мечтой каждого студента. Он означал не просто статус, но и высочайший научный потенциал.

В отличие от отпрысков политиков или бизнес-элиты, эти ребята были утончёнными, достойными, уважаемыми всеми.

И если большинство студентов мечтали оказаться с ними на одной паре, то Сюй Сяочжэнь — наоборот, только бы не попасть с ними в одну группу.

Он знал: он не из тех, кого называют гениями. Ум, интуиция, талант — всё это было где-то далеко, и рядом с «избранными небом» ему просто нечего было противопоставить. Для них стипендия — пустяк, для него — вопрос выживания.

Последние дни Сюй Сяочжэнь, где бы ни оказался, чувствовал: вокруг шепчутся. О чём — непонятно. Но он был уверен: речь точно не о нём. Так что просто опускал голову и сосредоточенно учился.

Мимо прошёл кто-то с явно навязчивым парфюмом — пахло так, что он невольно прикрыл рот и чихнул несколько раз. Насупился, даже не посмотрел, кто это был и снова уткнулся в конспекты.

Этот запах, казалось, преследовал его. В библиотеке, в столовой — везде. Стоило ему сесть, как рядом оказывался кто-то с этим резким ароматом. Удручало.

Сюй Сяочжэнь только удивлялся. Правда, не понимал, что вообще делают такие — не учатся, просто слоняются.

Но и любопытства не испытывал. Узнавать, кто это — тем более не хотелось.

Вечером он вернулся домой, и тут же оказался прижат к двери. Гу Янь целовал с жадностью, будто не видел его тысячу лет. Но вдруг резко отстранился, сжал Сюю подбородок:

— От тебя воняет чужим феромоном! Кто оставил на тебе свой запах?!

Альфы с их собственными феромонами чувствовали запахи особенно остро.

Насколько близко кто-то должен был подойти, чтобы оставить на нём аромат? Гу Янь только представил это — и уже готов был рвать и метать. Кто посмел? Кто осмелился рядом с ним тронуть его Сюя?

Сюй принялся к своей одежде, глубоко втянул воздух — и едва уловил лёгкий запах лотоса с зелёным чаем. Тот самый, что был в библиотеке. Поморщился:

— Хватит. Сегодня повсюду этот запах. Как будто павлины хвосты распускают.

Гу Янь тут же потащил его в душ. Надо было срочно смыть это, «обновить» аромат — чтобы от него снова пахло только им.

И так продолжалось несколько дней. Этот проклятый запах никак не исчезал. А Гу Янь терзал Сюя в ванной до тех пор, пока с него, казалось, не сотрёт кожу.

Сначала Сюй задыхался от аромата. Потом привык. А потом даже начал чувствовать в нём что-то бодрящее.

Тем временем Шэнь Ле вот уже несколько дней подряд крутился рядом. И от бессилия внутри всё кипело. Улыбка держалась из последних сил.

Сюй Сяочжэнь, мать твою..

Посмотри на меня!

Сюй Сяочжэнь, я тебя ненавижу.

<http://bllate.org/book/14462/1279155>